

Табачков неподражаем. Даже директорствуя, он играет самого себя: седой, обаятельный кот Матроскин отчитывает технического сотрудника за неработающие кондиционеры. Неистов в критике. Почти кричит. Ощущение, что сейчас сорвется. Но как только дверь за провинившимся закрывается, Табачков заговорщицки подмигивает и расплывается в улыбке. Артист! На замечание о крутости характера и грозности отвечает: зато я справедлив.

— Вы много играли в кино и театре, но для массового зрителя так и остались легендарным котом Матроскиным...

— Это не верно. Я для вас Матроскин потому, что вы относитесь к поколению, которое, кроме этого кота, ничего и не видело.

Вообще, я думаю, нельзя обижаться на любовь. Вам никогда не приходило в голову, что меня с Матроскиным любят? Разве это может огорчать? Например, когда я двадцатилетний только-только закончил школу-студию при МХАТе, у меня уже была поклонница — такая огромная и некрасивая. Но как я мог сердиться на то, что она любит меня?

— Не пойму — она вас преследовала, что ли?

— Да нет — держалась на дистанции. Просто я хочу сказать, что любовью человека оскорбить нельзя. Когда мне приходится бывать за границей, дети в русских посольствах на коленки встают перед первым рядом, потому что в зале не остается пустых мест. А поднявшись на ноги, они меня просят: дяденька, скажи голосом Матроскина. Я что, должен им отвечать: фу, пошлак, как ты можешь, я играл такие роли!.. Это же бред. И обязательно говорю его голосом.

— В таком случае что должен ощущать человек, который пользуется обожанием такого огромного количества людей?

— Я защищен этим чувством. Очень многие люди делали для меня добро и продолжают делать добро. Например, врачи. Вообще для меня медики — это особая любовь. После женщин...

— Большие проблемы со здоровьем? — Не очень. Просто это врачи такие, которые лечат нетрадиционными методами. Например, гомеопатией...

Вообще часто народная любовь помогала в местах бытового обслуживания, магазинах. Мне даже становилось неудобно от такого внимания. А ведь в молодости этого хочешь, мечтаешь об этом. Мне в жизни делали слишком много исключений из правил. Я все это помню и стараюсь отблагодарить людей.

— Вернемся к символу народной любви — Матроскину. Многие предполагали, что в вас есть какие-то качества от кота...

— Возможно... и не только у меня... — Но нельзя же сказать, что Матроскин вам совсем не близок?

— Да, конечно. Иногда мне кажется, что это существо начало перестройку. Он первым стал опираться на свои силы — ведь в восьмидесятом году, когда вышел первый мультфильм из этой серии, перестройкой еще и не пахло.

— Скажите, пожалуйста, а вы не знали, что «Каникулы в Простоквашино» имеют такой глубокий политический подтекст... Надеюсь, любовь или не любовь к остальным животным как бы сама по себе — так сказать, вне политики, вне конкуренции?

— Ну... У меня было две собаки. Но я не смог дать им должной заботы — часто езжу за границу, ставлю там спектакли и этим зарабатываю себе на жизнь.

— При этом вы успеваете ректорствовать, директорствовать да еще и отпоявствовать. Поделитесь секретом: где черпать силы?

— Не знаю, как другие, но, как объяснила одна мудрая женщина, я — Лев в солнце, то есть мощный субъект. Мне было всего тридцать, когда случился инфаркт, и то я поднялся. А спустя два месяца после выписки из больницы уже играл в спектакле «Обыкновенная история», теряя каждый вечер по полтора килограмма. (Сегодня Табачкову хватает спектакля «Амадей» во МХАТе: там Олег Павлович, играющий Сальери, поднимает и проносит на руках дочь Юрского Дарью, девушку хрупкого телосложения, занятую в качестве ученицы-любви композитора. Не-

сет он ее на руках метра четыре, но вспоминает об этом каждый раз, когда его упрекают в нелюбви к физическим упражнениям. — Ред.)

— То есть для того, чтобы хоть чего-то добиться в этой жизни, надо пахать на износ и никак иначе?

— Ну почему же? Перед тяжелым спектаклем я один час сплю. К тому же, на мой взгляд, когда тебе предстоит трудная работа, необходимо хорошо питаться.

— Говорят, что у многих желание крепко поесть возникает совсем в другом случае — когда ты живешь в состоянии постоянного стресса. Вам было тяжело жить посреди этого скандала, связанного с переменами в личной жизни?

— Тяжело. Сейчас что-то забылось, но что-то — нет.

— Но реакция студентов...

— Она меня не интересует...

— Вам удалось замечательно играть роль женщин. Можете дать женский совет, как охмурить понравившегося мужчину?

— Очень точно на этот вопрос отвечал Виктор Розов: «Зов должен быть». Просто в ней должен быть позыв: иди сюда!!! Как дельфины, которые посылают импульсы. Это не словами делается. Вся ваша психофизика должна сигнализировать об этом.

— Но курлыкать, как дельфин, сможет не всякий. Да и сигнализирующая психофизика, честно говоря... Лучше скажите, как практически все это осуществляется?

— Надо быть интересной, и все. Что такое обратить на себя внимание? Что такое собрать внимание и не терять его? Это же все поступки. А если вы лежите на дороге, как камень, то человек о вас споткнется и ударит большую косточку на пальце, которая у старых людей, как у меня, выпирает. И ничего, кроме боли, не почувствует.

— А вам приходилось добиваться женщин или они к вам сами в объятия падали?

— Я вообще не донжуан. Хотя и влюблялся в своей жизни. Я никогда не мог одновременно любить двух женщин. Мне кажется, нельзя желать двух сразу. Нарушается таинство любви.

— В неравном браке какой бы ни была искренней любовь двоих, ее будут подозревать в расчетливости. Это вас не смущает?

— Значит, у Натальи Гончаровой был расчет, коли она вышла замуж за Пушкина, который был ее значительно старше? Нет, я не могу с этим согласиться. Даже мой дряхлеющий разум в это не поверит. Ну, случаются браки по расчету, и что же? Я не компетентен в этом вопросе. Пока могу говорить только о любви. А мысли о расчете у меня, наверно, еще впереди.

— Любовь может продолжаться вечно?

— Нет. Другой вопрос, что приходит ей на смену. Привычка ли, потребность ли, нужда...

— Так на смену желанию стать актером приходит либо разочарование, либо талант?

— Как вам сказать... В нашем театральном цехе подход к делу один — талант надо иметь сразу. Он дается от Бога и от папы с мамой. Кроме того, необходима трудоспособность совершенно воловьей. Брат любит сестру богатую, а муж жену здоровую. Так и актера любят здорового физически. Стало быть, третий компонент — здоровье.

— И у вас со всеми этими компонентами был полный порядок?

— Нет. Я был ленив. И вообще первые годы обучения занимался проблемами любви.

— Когда вы приехали в Москву, вам было семнадцать лет. Не боялись?

— Как страшно было, так и интересно. И потом я очень сильно хотел быть артистом. Я перебарывал в себе не только страх, но и молитвы бабушки, которая не хотела, чтоб я поступил. Она ведь желала мне добра.

Олег Табачков:

«Я ВООООБЩЕ МОЩНЫМ СУБЪЕКТ!»

фото Сергея Снегурова

— И приходилось чем-то жертвовать ради карьеры?

— Вовсе нет. Мне вообще повезло с самого начала — я попал в замечательную интеллигентную московскую семью потомков художника Серова — учился на саратовском театре с Сусанной Серовой. А когда тяжело заболел, меня привезли в этот дом, где я и остался до окончания учебы, почти на два года. Семья отнеслась к больному саратовскому мальчику с участием и нежностью.

— А сегодня судьбы многих таких мальчиков уже в ваших руках...

— Я так не считаю. Это все равно что сказать Владимиру Немировичу-Данченко, что судьба Тарасовой в его руках. Представляете себе его реакцию?

Я отношусь ко всем беспристраст-

но. У меня есть любимчики. Но я не буду говорить кто. Они еще учатся, растут. Молодость дает им прекрасное право на ошибку.

Я строго караю дураков. Не терплю пьянства. В свое время я уволил Олега Дала за то, что он пришел на спектакль пьяный и не мог играть.

В нашем театре тот, кто много и хорошо работает, соответственно хорошо зарабатывает: одна зарплата от театра и несколько — от помогающего нам банка.

— А кто решает, сколько кому заплатить?

— Я. И вообще я сторонник системы просвещенного абсолютизма в искусстве.

— Не это ли причина того, что вам удалось собрать вокруг себя столь-

ких талантливых людей: Миронов, Машков, Безруков, Германова, Смоляков, Зудина — настоящие звезды.

— А я их готовил не для чужого дяди, а для себя. Поэтому и результаты такие.

— Именно поэтому в других местах появляется так мало молодых звезд — никто не может «сделать для себя»? Или просто престиж профессии падает?

— Престиж, я думаю, все тот же. А звезд меньше потому, что кино в тяжелом состоянии — в основном оно же формирует звезд, а не театр.

— Но вы, надеюсь, не хотите сказать, что на Безрукове все ваши талантливые студенты закончились?

— Скоро сами увидите... Ирина ТАГИРОВА.